

Глава 121. Я очень тебя люблю

За оградой уютного дворика, утопающего в цветах, появились двое незваных гостей.

Возле пышного куста пионов пухленький Фу Чэнь держал в руке тонкую веточку и тыкал ею в снующих муравьёв.

Один муравей взобрался на веточку, и Фу Чэнь высоко поднял её.

— Опустить меня вниз! У-у-у, как высоко! Скорее опусти! — донёсся с веточки тоненький жалобный плач маленького муравья. Усики у него дрожали от страха, а сам он торопливо пополз к пальцам Фу Чэня, сжимавшим веточку.

Фу Чэнь поднял руку и внимательно посмотрел на муравья, который бодро карабкался по его пальцу. Потом дунул на него.

— А-а-а, опять ты, злодей! Сейчас укушу тебя, укушу!

Муравья тут же закрутило, но он всё-таки изо всех сил разинул рот и цапнул Фу Чэня за тыльную сторону руки.

По коже пробежала тонкая боль.

— У... — Фу Чэнь поджал губы, едва не расплакавшись.

Из-за его спины протянулась рука и остановилась перед муравьём.

— Ползи сюда, — раздался мягкий голос юноши.

И муравей в самом деле послушно перебрался на его палец. Склонив большую голову набок, он будто разглядывал человека перед собой.

Цзян Тан отнёс муравья обратно и осторожно опустил на землю.

— Иди домой.

Муравей понимал его речь. Постояв на месте и немного покружив в растерянности, он наконец нашёл направление и заспешил к дому.

Фу Чэнь несколько раз моргнул, глядя на внезапно появившегося красивого незнакомого

старшего брата:

— Ты умеешь с ним разговаривать?

— Нет, — ответил Цзян Тан.

Фу Чэню показалось, что красивый старший брат его обманывает, но доказать это он не мог.

А потом он увидел за ним Фу Линцзюня.

— Брат! — глаза его вспыхнули. Он подбежал на коротеньких ножках и обнял Фу Линцзюня за ногу. — Матушка сказала, что эти дни мне нельзя тебя беспокоить, но я так по тебе скучал!

Потом он задрал голову и, сверкая большими чёрными глазами, перехватил его руку и принялся раскачивать:

— Брат, тебе уже лучше?

Видимо, всё то время после возвращения Фу Линцзюня из демонической бездны, когда тот был при смерти, госпожа Фу не хотела пугать младшего сына и потому ничего ему не рассказывала.

— Да, намного лучше, — Фу Линцзюнь погладил Фу Чэня по голове.

Малыш уже подрос — был уже не тем карапузом до колена, каким сохранился в памяти Фу Линцзюня. Стал ещё живее, подвижнее и здоровее.

Расспросив брата о самочувствии, Фу Чэнь сразу вспомнил о другом. Он заглянул во двор, удостоверился, что матушка ещё не вышла, и, понизив голос, шёпотом спросил:

— Брат, а где Тангао?

Конечно, под Тангао он имел в виду не сладости, а того самого пушистого комочка Цзян Тана, которого сам же и назвал.

Из-за того, что за ним уже числились грешки плохого ухода за зверушками, мать никогда не позволяла ему тащить животных домой и всё время повторяла: сначала научись по-настоящему отвечать за живое существо, а уж потом заводи его у себя.

Поэтому, хоть Тангао пока и жил в Водной Беседке в Облаках, Фу Чэнь всё равно ужасно по нему скучал.

Фу Линцзюнь с совершенно невозмутимым лицом солгал:

— Потерялся.

Цзян Тан, он же сам Тангао: ...

Фу Чэнь: ???

Он был маленьким, но не дураком!

— Брат, ты ведь просто не хочешь отдавать мне Тангао, да? — надувшись, он решил, что почти наверняка вывел брата на чистую воду. Такой милый, такой послушный Тангао не мог взять и потеряться.

Фу Линцзюнь с улыбкой покосился на стоявшего рядом Цзян Тана, который с интересом наблюдал за происходящим, затем на малыша, повисшего на его ноге, и спросил:

— А где матушка?

Фу Чэнь, которого так легко было отвлечь, задумался:

— Матушка пошла собирать утреннюю росу. Сказала, что ты больше всего любишь чай, заваренный на лotosовой росе, и ещё с самого утра ушла.

И вот в это полное цветов утро Цзян Тан увидел его мать.

На ней было платье цвета свежего снега из мягкой дымчатой ткани; в руках — охапка только что сорванных, ещё влажных лotosов. Волосы были убраны в простой, нежный узел, и весь её наряд казался очень сдержанным.

Только лицо её никак нельзя было назвать сдержанным.

В этот миг Цзян Тан наконец понял, откуда у Фу Линцзюня такая утончённая красота. Увидев госпожу Фу, он подумал, что перед ним самая яркая, самая роскошная бегония, которую мягкая весна окрасила в ослепительно густой румянец.

Она была так прекрасна, что даже лotosы в её руках померкли.

Госпожа Фу немного удивилась.

От Фу Юэбая она уже знала, что Фу Линцзюнь, которого считали безнадёжным, вдруг пошёл на поправку, и что тем утром в спальне Водной Беседки в Облаках появился красивый юноша.

То, что сын поправился, конечно, её обрадовало. Узнав об этом вчера, она и сама хотела пойти в Водную Беседку в Облаках и посмотреть, как он себя чувствует, но муж сказал, что сыну нужно спокойно восстановиться и лучше его не тревожить.

Кроме того, по дому уже ходили весьма странные слухи.

Похоже, всё пошло от двух служанок из Водной Беседки в Облаках. Болтали, будто у её старшего сына уже давно есть возлюбленный, просто он всё это время скрывал его от всех. И будто этим человеком оказался его новый ученик, который в последнее время жил и ел вместе с ним.

Госпожа Фу, разумеется, считала всё это пустой выдумкой. Она прекрасно знала, насколько её сын серьёзен и собран, и нередко думала, что ему, пожалуй, вообще будет трудно найти подходящего спутника Дао.

Но сейчас её старший сын и правда привёл домой красивого юношу.

Госпожа Фу несколько раз украдкой взглянула на Цзян Тана и мягко спросила:

— Шэн-эр, это ведь... Фу Тан?

— Матушка знает его? — Фу Линцзюнь и правда удивился.

Госпожа Фу растерялась лишь на миг, а потом с улыбкой позвала их внутрь:

— Кое-что слышала. Заходите, посидите. Я как раз собрала немало росы — можно заварить хороший чай.

«Кое-что»... вот именно, «кое-что»...

Цзян Тану хотелось провалиться сквозь землю и спрятаться там навсегда.

Фу Линцзюнь, может, и не знал, до какой степени разошлись по Гуанлину слухи, но Цзян Тан был в курсе до последней мелочи. Всё потому, что Фу Син не стеснялась приходить и спрашивать его обо всём этом прямо в лицо.

Многие сплетни были до смешного нелепыми: чего стоили одни только разговоры про всякие совсем не невинные «живут вместе, едят вместе», да ещё и с двусмысленными намёками на

совместно проведённую ночь... А некоторые вещи стоило только вспомнить — и у Цзян Тана сразу вспыхивало всё лицо.

Если бы всё то, что болтали, между ними и правда случилось, он бы ещё смирился! Но беда в том, что ему самому не перепало вообще ничего. В ту ночь этот пёс Фу Линцзюнь ещё и прокусил ему шею — хуже не придумаешь!

Ему ужасно хотелось хоть разок объяснить всем: до того как он тайком пробрался в спальню кормить большого господина ядовитой травой, между ними и правда ничего не было, всё было совершенно невинно...

Госпожа Фу была женщиной, повидавшей немало на своём веку. Она заварила чай на собранной росе для Цзян Тана и поставила перед ним тарелку белоснежных, нежных тангао.

— Сяо Тан, попробуй, — она ласково улыбнулась и подвинула тарелку ближе. — Шэн-эр в детстве их просто обожал.

Улыбка её была такой тёплой и чистой, без малейшей примеси чего-либо ещё, что к ней невольно хотелось приблизиться.

Воздух был полон цветочного аромата, смешанного со свежестью чая и сладким запахом выпечки.

Немного смущаясь, Цзян Тан взял один кусочек тангао и откусил крошечный кусок.

Сладкое, мягкое. Стоило ему растаять во рту — и сладость сама собой заставляла улыбнуться.

— Очень вкусно! — искренне сказал Цзян Тан. Таких вкусных тангао он ещё никогда не ел. Он тут же откусил большой кусок и с набитым ртом добавил: — Правда очень вкусно!

Госпожа Фу поначалу ещё держалась чуть сдержанно, но, увидев, как Цзян Тан большими кусками уплетает тангао и как у него при этом надуваются щёки, совсем как у толстенького хомячка, вдруг словно увидела собственного сына в детстве. И невольно украдкой посмотрела на него ещё несколько раз.

Лакомка Фу Чэнь безошибочно чуял, где есть тангао. Его маленькая фигурка прилипла к двери, и он несколько раз украдкой заглянул внутрь.

Потом улучил момент, притопал, схватил с блюда один кусочек тангао и тут же ускакал обратно.

— Чэнь-эр, сегодня тебе разрешается только этот один кусочек, слышишь?

Фу Чэнь улепётывал так быстро, что только пятки мелькали. На бегу он небрежно откликнулся:

— Знаю, матушка!

Но, уже перешагнув порог своими коротенькими ножками, он вдруг словно что-то вспомнил и тихонько вернулся.

Потом привстал на цыпочки, приблизился к уху Цзян Тана и шёпотом сказал:

— Мой брат всё время на тебя поглядывает.

Сказав это, он подмигнул Цзян Тану и вприпрыжку убежал.

Хотя Фу Чэнь говорил тихо, все сидевшие за столом были совершенствующимися, с куда более острым слухом и зрением, чем у обычных людей, так что услышали каждое слово.

Цзян Тан поднял голову и посмотрел на Фу Линцзюня — и в самом деле поймал его взгляд. Тот как раз смотрел прямо на него, с совершенно невозмутимым лицом. Даже пойманный на месте, он не попытался отвернуться и лишь спокойно встретился с ним глазами.

А вот Цзян Тан от этого сразу смутился.

Он тут же уткнулся лицом вниз, скрывая неловкость, и принялся большими кусками заедать смущение тангао.

Госпожа Фу посмотрела на своего до смешного серьёзного старшего сына, потом на юношу, у которого в уголках губ налипли крошки, и невольно рассмеялась.

Так они немного посидели за чаем и сладостями — вернее, в основном это Цзян Тан пил чай и ел тангао, — перебросились несколькими словами, а потом Фу Линцзюня позвал Фу Юэбай.

Цзян Тану же досталось новое поручение: пока Фу Линцзюнь занят, присмотреть за Фу Чэнем и не дать ему натворить бед.

Но в итоге, пока он присматривал за малышом, они и сами заигрались. Один большой, один маленький — оба так увлеклись в саду, что только когда спустились сумерки и поднялась луна, Фу Линцзюнь пришёл и увёл его.

Когда Цзян Тан уходил, Фу Чэнь жалобно дёргал его за рукав и несколько раз повторял:

— Братец Тан, в следующий раз обязательно ещё приходи со мной играть, ладно?

Цзян Тан не осмелился пообещать.

Ему всегда казалось: если уж дал слово, то непременно должен его сдержать.

Но он не знал, вернутся ли они сюда после этой ночи.

Поэтому он просто потрепал Фу Чэня по голове, достал из-за пазухи сплетённую днём из травы довольно неказистую бабочку и протянул её ему:

— Держи.

Детское внимание всегда легко цепляется за что-то новое. Конечно, бабочек и кузнечиков из травы Фу Чэнь видел и раньше, но вот такую неказистую бабочку ему ещё никто не дарил, так что он всё равно играл с ней с большим удовольствием.

Разумеется, вслух он этого Цзян Тану не сказал. Цзян Тан же был уверен, что у него необычайно ловкие руки и для первого раза всё получилось почти идеально — неудивительно, что ребёнок так радуется.

Они с Фу Линцзюнем покинули этот живой, спокойный дворик, словно унося с собой весь стоявший в нём цветочный аромат.

Под луной они неторопливо шли по Гуанлину. Ночь уже стояла глубокая, и по дороге им попадалось мало людей. Изредка встречая кого-нибудь из рода Фу, спешащего по делам, Фу Линцзюнь всякий раз останавливался и как следует здоровался, приводя тех в смущённое изумление.

Они всё шли вперёд, и оставшийся за спиной сладкий запах тангао и цветов понемногу сменялся свежей, тихой лotosовой прохладой.

Словно заранее молча поняв друг друга, они оба знали: когда эта дорога подойдёт к концу, придёт и время вернуть Фу Линцзюню ту искру звёздного света. И всё же они шли дальше, бережно неся в сердце это молчаливое знание, с тихой нежностью и неохотой готовясь к расставанию.

Озеро, опоясывавшее дворцы, было сплошь покрыто лотосами, уходившими так далеко, насколько хватало взгляда. У беседки посреди озера покачивалась маленькая изящная лодка, наполовину укрытая густыми листьями и цветами.

Взгляд Фу Линцзюня упал на эту лодку, и, неизвестно о чём подумав, он вдруг стал особенно глубоким.

Цзян Тан заметил этот взгляд и потянул его за рукав:

— Я хочу посмотреть на луну.

А потом указал на лодку:

— Оттуда.

Фу Линцзюнь посмотрел в его сияющие глаза, и губы его чуть тронула улыбка.

Маленькая лодка скользнула в глубь лотосовых зарослей, раздвигая густые листья по обеим сторонам и открывая себе крошечный мирок среди воды.

На мерцающей глади озера будто опрокинулось всё небо со звёздами, и от кругов, расходившихся от лодки, эта звёздная река ломалась и дробилась.

Они лежали в тесной лодчонке, подложив руки под голову, и позволяли течению нести их всё дальше, в глубь лотосовых цветов.

— Как красиво... — Цзян Тан глубоко вдохнул свежий цветочный аромат и, прикрыв глаза от наслаждения, спросил: — Ты и в детстве сюда приходил?

Уголки губ Фу Линцзюня мягко приподнялись:

— Да. Часто, с Фу Нином.

— А что вы здесь делали? — как раз кстати продолжил спрашивать Цзян Тан.

— Когда дядя с тётей его наказывали, ему хотелось где-нибудь спрятаться. Чаще всего мы делали вот так. — Прятались в целом море лотосов, ненадолго ускользая от всех забот.

Очень похоже на то, что и правда сделал бы пухляш.

Цзян Тан достал спрятанную искру звёздного света.

— Сколько ещё продержится этот мир?

На миг между ними повисло молчание.

Ветер шуршал лotosовыми листьями. Весенняя ночь дышала прохладой, лаская лицо.

— Три дня, — сказал Фу Линцзюнь.

И вдруг Цзян Тану показалось, что три дня — это очень много. Достаточно много, чтобы Фу Линцзюнь успел как следует попрощаться со всеми в этом мире. А в следующий миг — что это страшно мало. Только успел попрощаться, и уже пора уходить.

На сердце у него стало тоскливо, и он протянул руку, чтобы взять Фу Линцзюня за руку.

Тот тоже сжал его пальцы в ответ.

Крошечная лодка, покачиваясь, отбрасывала на воду маленькую тень, будто сама заплыла в бескрайнюю звёздную реку. Это было ослепительно красиво.

Так они и смотрели на луну в тишине. Лишь через долгое время Цзян Тан услышал мягкий голос Фу Линцзюня:

— Я говорил о тебе с отцом.

Цзян Тан тут же напрягся:

— И что он сказал?

Фу Линцзюнь словно увидел перед собой его распахнутые от волнения глаза и нарочно помолчал подольше, прежде чем ответить:

— Он считает, что у тебя слишком низкое совершенствование. Тебе надо прилежнее заниматься.

Цзян Тан молча сгорел со стыда.

— Я же не нарочно ленюсь... — тихо пробормотал он в своё оправдание.

Фу Линцзюнь слегка повернул голову и посмотрел на лежавшего рядом юношу.

— Моей матери ты очень понравился. — Голос его был мягок, как ветер тёплой весенней ночью.

Цзян Тан ещё не до конца оправился от удара про «слишком низкое совершенствование», но,

услышав это, всё равно гордо вздёрнул подбородок и радостно сказал:

— Я вообще многим нравлюсь!

Он услышал тихий смех Фу Линцзюня.

У самого уха — и от него по коже пробежала щекотка.

— А Чэнь тоже тебя любит.

Цзян Тан ответил без тени сомнения:

— Конечно!

— И я очень тебя люблю.

<http://bllate.org/book/17032/1723194>